

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

Игорь Евгеньевич ДЕНИСОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

iedenisov@yahoo.com

Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена современным подходам КНР к международным проблемам и основным изменениям в китайской дипломатии после прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г. Дипломатия Си Цзиньпина характеризуется постепенным отходом от внешнеполитической концепции Дэн Сяопина. В статье рассматриваются инновации, стратегические идеи и новые дипломатические инициативы китайского руководства, а также вызовы, с которыми сталкивается Китай как один из ведущих глобальных игроков. С точки зрения автора, зарубежные оценки внешней политики Китая остаются в русле официальных китайских концепций, которые склонны преувеличивать стремительность и революционность изменений в дипломатическом курсе Си Цзиньпина. В реальности эти изменения происходят более плавно. Во внешней политике Пекина наблюдается сложная картина переплетения различных тенденций. Внешние наблюдатели часто принимают китайскую риторику за свидетельство якобы уже сложившегося нового качества дипломатии. По мне-

нию автора, в 1970-е гг. истинные мотивы Дэн Сяопина в ходе принятия им для Китая сдержанной и осторожной внешнеполитической доктрины не сводились к экономии ограниченных ресурсов Пекина, необходимых для внутреннего развития. Им двигало опасение проиграть на всемирной шахматной доске более опытным державам, что означало бы внутривнутриполитическую дискредитацию Коммунистической партии и могло подорвать её власть. Даже сегодня глубинная неуверенность Китая в собственных силах по-прежнему сдерживает его переход к более амбициозной внешней политике. Хотя зависимость Китая от внешних условий очевидна, внутриполитическая нестабильность не может быть компенсирована никакими дипломатическими успехами и самой благоприятной внешней средой. Позиция Китая как второй экономики мира не трансформируется автоматически в глобальное влияние. Большинство изменений, которые сегодня ассоциируются с так называемым пятым поколением китайских руководителей, в реальности были инициированы их предшественниками. Мнимая

же новизна оказывается продолжением постепенной адаптации Китая к социально-экономическим изменениям на национальном и глобальном уровне. В заключение статьи анализируются перспективы изменения роли Китая в мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Си Цзиньпин, дипломатия, стратегия, инновации

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Денисов И.Е. (2017). Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 83-98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

Автор благодарен Л.А. Ковачичу, А.П. Цветову и А.Л. Чечевишникову за ценные замечания по первоначальному варианту настоящей статьи.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

Igor E. DENISOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
iedenisov@yahoo.com

Chinese Foreign Policy Under Xi Jinping: Continuity And Innovation

ABSTRACT. *The article is devoted to the modern approaches of the PRC to international problems and the main changes in Chinese diplomacy after Xi Jinping's coming to power in 2012. The diplomacy of Xi Jinping is characterized by a gradual departure from Deng Xiaoping's foreign policy concept. The article reviews innovation, strategic ideas and new diplomatic initiatives of the Chinese leadership, as well as the challenges faced by China as one of the leading global players. From the author's point of view, foreign evaluations of China's foreign policy remain in the line with official Chinese concepts that tend to exaggerate the swiftness and revolutionary nature of changes in the diplomatic course of Xi Jinping. In reality, these changes occur*

more smoothly. In Beijing's foreign policy there is a complex picture of the intertwining of various trends. External observers often take Chinese rhetoric for evidence of the allegedly emerging new quality of diplomacy. According to the author, in the 1970s. the true motives of Deng Xiaoping in the course of adopting a reserved and cautious foreign policy doctrine for China were not limited to saving Beijing's limited resources necessary for internal development. He was moved by the fear of losing on the world chessboard to more experienced powers, which would mean an internal political discredit of the Communist Party and could undermine its power. Even today, China's deep insecurity in its own strength continues to constrain its transition to a more ambitious foreign pol-

icy. Although China's dependence on external conditions is obvious, internal political instability can not be compensated by any diplomatic successes and the most favorable external environment. The position of China as the world's second economy is not automatically transformed into a global influence. Most of the changes that today are associated with the so-called fifth generation of Chinese leaders, in reality were initiated by their predecessors. Imaginary novelty is the continuation of China's gradual adaptation to socio-economic changes at the national and global levels. The article concludes with an analysis of the prospects for changing China's role in the world.

KEYWORDS: *China, Xi Jinping, diplomacy, strategy, innovation*

FOR CITATION: Denisov I.E. (2017). Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: continuity and innovation. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 83-98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98

ACKNOWLEDGMENTS: *The author is grateful to L. A. Kovacic, A.P. Tsvetov and A. L. Chechevishnikov for valuable comments on the initial version of this article.*

Оценивая первый пятилетний срок Си Цзиньпина на высших партийно-государственных постах (2012–2017 гг.), можно легко попасть в плен торжественных отчетов, в изобилии появившихся в Китае во время подготовки к 19-му съезду Коммунистической партии (октябрь 2017 г.). Си Цзиньпин не только быстрее, чем его предшественники Цзян Цзэминь и Ху Цзинь-

тао, консолидировал власть, но и выдвинул задачу радикального изменения правил, по которым функционирует огромная бюрократическая машина China Inc. Эти изменения касаются механизма кадровых назначений и обеспечения лояльности чиновников, базовых принципов принятия решений и в целом повседневной работы государственного аппарата. В обстановке элитной перетряски и непрекращающейся антикоррупционной кампании постоянное и открытое подтверждение лояльности лидеру и его курсу стало обязательным правилом для чиновников всех рангов, и здесь не обходится без пропагандистских «перехлестов» и риторических преувеличений.

Сильная персонализация власти привела к тому, что официальная пропаганда и близкие к истеблишменту китайские эксперты говорят если не о «сицзиньпинизме», то о формировании особой системы взглядов Си Цзиньпина на управление государством, что, естественно, затрагивает и внешнюю политику. Вместе с тем открытым остается вопрос о том, действительно ли в первое пятилетие после прихода Си Цзиньпина к власти была создана обновленная и целостная концепция внешней политики Китая, которая основана на принципиально новом понимании задач и целей дипломатии.

В китайском официальном дискурсе утвердился термин «дипломатия Си» (Си ши вайцзяо), а агентство Синьхуа в своем англоязычном канале в Твиттере использует хэштег #Xiplomacy¹. Однако в литературе пока отсутствует единое понимание современной внешней политики КНР – в зависимости от взглядов исследователя, Китай пред-

1 См.: URL: <https://twitter.com/XHNews/status/908929205085249536> (Accessed: 19.09.2017); URL: <https://twitter.com/XHNews/status/908701719516860416> (Accessed: 19.09.2017); URL: <https://twitter.com/XHNews/status/908559981384892416> (Accessed: 19.09.2017).

ставляется то ревизионистской державой, стремящейся разрушить западный либеральный порядок (Benner, 2017), то благодетелем, который несет миру гармонию и щедро делится плодами своего феноменального роста (Liu, Dunford, 2016).

В данной статье сделана попытка представить «макровзгляд» на дипломатию Си Цзиньпина, очертить ее концептуальную основу, показать, что нового за последние пять лет появилось в подходах Пекина к международным делам, дать прогноз дальнейшей трансформации китайской внешней политики. Автор стремился внести вклад в активно идущую в академических кругах дискуссию о новой глобальной роли Китая.

Подъем Китая: проблемы интерпретации

Инерционный подход, который неизбежно заложен в парадигме «подъема Китая», серьезно затрудняет решение задач объективного внешнеполитического анализа. Мы имеем дело сегодня уже не с линейным процессом роста китайской мощи, каким он представлялся на рубеже нового тысячелетия. Главная же трудность в определении направленности вектора китайской дипломатии связана с тем, что успех любых внешнеполитических инициатив растущего Китая (многократно описанный в литературе сценарий трансформации экономического потенциала в международное влияние) не является автоматической данностью. Результат в огромной степени зависит от того, кто и каким образом принимает решения, насколько хорошо налажена межведомственная

координация в сфере развития связей с зарубежными странами, созданы ли необходимые институциональные механизмы для продвижения интересов Китая за рубежом, эффективно ли используется сочетание инструментов жесткой и мягкой силы. Все вышеперечисленные факторы лишь косвенно связаны, а вероятнее всего, вообще никак не связаны с показателями роста ВВП или наличием у Китая огромных финансовых резервов.

В отсутствие практики публикации в Китае внешнеполитических документов доктринального характера и растущей непрозрачности процесса принятия решений дать ответ на вопрос об особенностях современной китайской дипломатии достаточно сложно. Скорее, мы можем говорить о том, что после 2012 г. активизировался поиск новой модели взаимоотношений Китая с внешним миром, что в практическую область перешли дискуссии о необходимости новой активной дипломатии. Этот процесс идет очень неровно, что подтверждает история инициативы Си Цзиньпина по строительству сухопутного и морского Шелковых путей – с момента первых заявлений председателя КНР на эту тему до появления официального документа с относительно подробными (хотя все равно очень общими) разъяснениями на этот счет прошло около полутора лет². Китайские источники упоминают о том, что 2 декабря 2014 г. (более чем через год после первых заявлений Си Цзиньпина в Астане) ЦК КПК и Госсовет КНР приняли «Стратегический план строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути

2 Документ «Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Опубликовано Государственным комитетом по развитию и реформе, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР 28 марта 2015 г.

XXI века», но этот документ никогда не был открыто опубликован.

Зарубежные оценки внешней политики Китая порой невольно следуют официальному китайскому дискурсу, подчеркивающему стремительность и «революционность» изменений в дипломатической сфере при Си Цзиньпине, хотя на самом деле они происходят постепенно, по известному рецепту Дэн Сяопина «переходить реку, ощущая камни». Велик соблазн увидеть во внешнеполитическом поведении сегодняшнего Китая лишь черты «наступательности» (assertiveness), о чем исследователи пишут по меньшей мере с 2008 г. Однако после прихода к власти «пятого поколения» руководителей во главе с Си мы наблюдаем достаточно сложную картину во внешней политике, которая определенно не сводится лишь к усилению «жестких» элементов китайской дипломатии.

Сегодня мы видим не только «Китай, говорящий “нет”», но и «Китай, говорящий “да”», страну, не только бросающую вызов некоторым элементам существующего мироустройства, но и стремящуюся адаптироваться к международным правилам и предпринимающую усилия для того, чтобы встроиться в мировую систему, разумеется с учетом своих растущих интересов. Сама задача встраивания, или «социализации» (Johnston, 2003), – новая, и продиктована она постепенным отказом китайского руководства от концепции Дэн Сяопина «скрывать свои возможности, держаться в тени». Именно постепенность процесса трансформации китайской внешней политики зачастую игнорируется внешними наблюдателями, которые принимают китайскую риторику за свидетельство уже сложившегося нового качества дипломатии, воспринимают стремление Китая влиять на мировые процессы как признак возросшей реальной силы.

Трансформация дипломатии и «выход Китая из тени»

Начиная с запуска реформ Дэн Сяопина в конце 1970-х гг. Китай, сосредоточившись на внутреннем экономическом строительстве, избегал активной внешней политики, не присоединялся к блокам, не выступал с глобальными инициативами, не вмешивался в региональные конфликты, предпочитал инструменты двусторонней дипломатии любым многосторонним институтам и тем более не создавал такие институты сам.

На это редко обращается внимание, но, на наш взгляд, мотивами Дэн Сяопина при выработке «скромной» внешнеполитической доктрины были не только экономия ресурсов, необходимых прежде всего для внутреннего развития, но и боязнь проиграть на всемирной шахматной доске более опытным державам. Патриарх китайских реформ трезво оценивал возможности китайского дипломатического аппарата – и в части анализа и прогнозирования международной обстановки, и в части принятия адекватных решений в кризисных ситуациях и применения соответствующего дипломатического инструментария.

Проигрыш «на внешнем фронте» для китайского руководства означал шаг к делигитимации власти КПК, и, судя по всему, мотивы сохранения и укрепления партийной власти по-прежнему определяют любые крупные внешнеполитические шаги. Зависимость Китая от внешних условий очевидна. Однако внутренняя нестабильность не может компенсироваться никакими дипломатическими успехами и самой благоприятной внешней средой, и в этом смысле в Китае мало что изменилось со времен Дэн Сяопина. В сентябре 1989 г. Дэн Сяопин заявлял следующее: «Вопрос сегодня не в том, упадет ли знамя Советского Союза, в Со-

ветском Союзе непременно будет хаос, вопрос в том – не упадет ли китайское зная» (Ден Сяопин, 1993, с. 320).

Замедление темпов экономического роста, растущие вызовы глобализации, в том числе вызовы цифрового общества, внутриэлитная чистка, которая затронула не только партийные органы, но армию и спецслужбы, служат не меньшими, а может быть, большими ограничителями внешнеполитической активности, чем политическая и экономическая слабость государства, имевшая место в самом начале реформ.

Лозунг о великом возрождении китайской нации, который с первых дней пребывания у власти стал включать в свои выступления Си Цзиньпин, предполагал как внутривластный (внутренняя консолидация), так и внешнеполитический компонент (упрочение позиций Китая в мире). В целом же идеологема «китайской мечты» выражает идею модернизационного рывка Китая, когда приоритет во всех сферах отдается интересам развития³. Именно развитие обеспечивает стабильность в обществе и сохранение власти КПК. «Китайская мечта» выступает своего рода антитезой «столетию унижения», когда внешние силы оказывали давление на слабый Китай и его суверенитет ущемлялся более мощными державами. «За отсталость бьют и... только развитие ведет к самоусилению» – так выразил суть государственной политики Си Цзиньпин в речи после посещения выставки «Путь к возрождению» 29 ноября 2012 г., через две недели после избрания на пост генерального секретаря ЦК КПК (Си Цзиньпин, 2014, с. 48).

Миссия нынешних руководителей, как ее видит лидер «пятого поколения»,

состоит в превращении Китая в богатое, могущественное и модернизированное государство, влияние которого распространяется и вне его границ. В официальных китайских публикациях внешнеполитический курс Си Цзиньпина часто характеризуется как «дипломатия большого государства с китайской спецификой». В этой формулировке «большое государство» обозначает место, которое Китай видит для себя на мировой арене. Раскрывая это понятие, китайские ученые обычно обращают внимание на то, что поведение Китая как большой державы имеет три измерения – экономическое, политическое и культурное. Китайская Народная Республика не только вносит решающий вклад в рост мировой экономики, но, являясь ответственной державой, готова брать на себя глобальную ответственность и оказывать влияние на важнейшие тенденции мировой политики, а также как страна с глубокими культурными традициями намерена содействовать цивилизационному диалогу и взаимообогащению культур.

Китайская специфика, в свою очередь, предполагает, что дальнейший рост влияния Китая в мире будет проходить не так, как у других «поднимающихся государств» в истории человечества, то есть не через усиление конфликтности и тем более не через войны. Официальный Пекин декларирует отказ от агрессии, силовой политики и гегемонизма, действуя абсолютно симметрично своим критикам, то есть выводя будущую траекторию из исторических прецедентов. По словам Си Цзиньпина, «в крови китайской нации отсутствует ген агрессии и мировой гегемонии»⁴. Риторически здесь наблюдается преемствен-

3 Подробнее об идеологической программе «пятого поколения» руководителей см.: (Денисов, 2015а).

4 新华网. (2014). 在中国国际友好大会暨中国人民对外友好协会成立60周年纪念活动上的讲话. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-05/15/c_1110712488.htm. (Accessed: 19.09.2017)

ность с внешнеполитической концепцией Ху Цзиньтао, в которой ведущее место занимал тезис о «мирном подъеме» или «мирном развитии» Китая.

Однако есть и принципиальные различия, продиктованные в первую очередь стремлением нынешнего руководства переформатировать представление мира о «китайском экономическом росте», который часто и является источником фобий. Мирный подъем, представивший ранее как простая линия на графике роста ВВП, становится более объемным и многогранным понятием, теснее связанным с потребностями и интересами других государств. Во многих выступлениях Си Цзиньпина подчеркивается особый характер подъема Китая, который не только не является угрозой миру, а, наоборот, дает возможность для совместного развития. Развитие диалога и сотрудничества с другими государствами Китай готов вести на принципах открытости, инклюзивности и общего выигрыша – без упоминания этого тезиса сегодня не обходится ни одно важное внешнеполитическое заявление.

Кроме акцента на общности судьбы Китая с судьбой мира, что в концентрированном виде выражено в идее «сообщества судьбы» (минюнь гунтунти), важной частью внешнеполитического дискурса становится пропаганда активного китайского вклада в развитие глобального управления.

Китайский план для мира: гибкость без лидерства

Во время выступления в немецком Фонде Кербера 28 марта 2014 г. Си Цзиньпин выразил суть китайских предложений следующим образом:

«Исходя из великой цели мира и развития, мы готовы с помощью китайской мудрости внести вклад в решение проблем современных международных отношений, готовы предложить китайский план для совершенствования глобального управления, готовы вместе с мировым сообществом вносить вклад в поиск ответов на различные вызовы XXI века»⁵.

Для этого идеологами китайской внешней политики выработана формулировка *Чжунго фан'ань* – «китайский план» (или «китайское решение»). В обобщенном виде эту идею можно представить как сопряжение китайской мечты о национальном возрождении и «мировой мечты» об устойчивом развитии. При этом Китай сознательно избегает упоминаний о «китайской модели» или «китайском образце». То есть Китай формально предлагает полностью «декитаизированный» план реформы глобального управления, в том смысле, что не обещает немедленный слом американоцентричной системы под своим руководством и замену ее на некий китаеццентричный аналог. Здесь китайское руководство не делает выбор между мягким и жестким вариантами, а прекрасно понимает ограниченность своих сегодняшних возможностей, делая прагматичный выбор в пользу реально возможной линии поведения.

В работе, опубликованной в 2013 г., американский китаевед Дэвид Шамбо назвал Китай «частичной державой» (partial power), подчеркнув, что стране придется пройти еще большой путь, чтобы стать «по-настоящему глобальной державой», хотя, возможно, и этого никогда не произойдет. По оценке ученого, несмотря на то, что присутствие

5 习近平. (2014). 习近平在德国科尔伯基金会的演讲 (全). URL:<http://cpc.people.com.cn/n/2014/0330/c64094-24773108.html>. (Accessed: 19.09.2017)

Китая в мире расширяется, его воздействие на ситуацию пока остается неглубоким, а привлекательность китайской модели либо слабая, либо вообще отсутствует. Д. Шамбо делает вывод, что положение Китая в мире ослабляется не в последнюю очередь внутренними проблемами, а действительная сила государства не так велика, как может представляться (Shambaugh, 2013, p. 6–7).

Вывод Шамбо о том, что Китай «никогда не будет править миром», сложно разбирать, как и любой прогноз, высказанный в категоричной форме, притом для неопределенного временного горизонта. Однако с ним можно согласиться в том, что позиция «экономики номер два» автоматически не трансформируется в глобальное влияние, а тем более в глобальную власть. Кроме того, наблюдение за китайским поведением на мировой арене в последние годы позволяет сделать вывод, что Китай пользуется средствами принуждения в отношениях с другими государствами очень осторожно и выборочно, скорее в виде исключения (причем они, как правило, носят экономический характер). Насколько это возможно, Китай уклоняется от прямого конфликта с существующим мировым лидером – США.

Как мы уже отмечали при анализе инициативы «Одного пояса – одного пути», «Китай стремится быть хорошим отражением США, не разбивая американское зеркало» (Денисов, 2015b, с. 58). На принципах размытости политической составляющей базируется концепция «Одного пояса – одного пути», что заранее позволило дистанцироваться от аналогий с американским послевоенным Планом Маршалла. Нечеткость формулировок и отказ от жесткой институционализации придает китайской инициативе большую гибкость (Денисов, 2015b, с. 55). Одно-

временно снимаются обвинения в том, что Китай что-то политически навязывает своим партнерам в стремлении утвердить свое лидерство или, используя китайские лекала, строит некий *Rax Sinica*.

В сентябре 2015 г. в Китае был опубликован официальный запрет называть флагманскую инициативу Си Цзиньпина «стратегией», «проектом», «программой» или «повесткой». Тем самым китайские власти задают очень широкие рамки интерпретации «Одного пояса – одного пути», для них это, разумеется, имеет положительные моменты – сохраняется возможность гибко адаптировать инициативу к определенным регионам и странам, при необходимости добавляя конкретику или отказываясь от уже взятых обязательств. Вероятно, речь идет не только о хеджировании рисков, но и о попытке предотвратить возникновение риторической зависимости пути (*rheterical path dependence*), когда сегодняшняя четкость в будущем может сыграть против Китая, если обстановка изменится и создаваемые в настоящее время коалиции и партнерства, провозглашаемые приоритеты и принципы потребуют корректировки.

Так или иначе с этой проблемой сталкиваются все страны, однако для Китая избежать ловушки зависимости пути принципиально важно, учитывая, что это крупный и очень заметный актор и в определенной степени – новичок в глобальных делах. Кроме того, сильная персонализация китайской дипломатии придает данному вопросу особый политический характер. Как указывает Деннис Грубе, «риторические акты формируют не просто политику, но и публичный образ руководителя», а отклонения от выбранного риторического пути могут иметь нежелательные последствия в будущем, поскольку неизбежно поставят не просто во-

прос о последовательности политического курса, а более серьезные и глубокие вопросы – о степени доверия к политике лидера (Grube, 2014, p.112) (в рассматриваемом нами случае – о доверии к внешнеполитическому курсу Си Цзиньпина).

Как отмечалось в нашей с Д.Л. Адамовой статье, в современном китайском внешнеполитическом дискурсе наблюдатели сталкиваются с парадоксальным явлением: очевидные активные действия Китая (практическое продвижение инициативы «Пояса и пути», создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, строительство искусственных островов в Южно-Китайском море для усиления стратегических позиций в этом регионе, растущий вклад в миротворческие операции ООН) не описываются столь же четко и ясно в официальных документах (Денисов, Адамова, 2017, с. 85).

Другие авторы также обращают внимание на размытость формулировок китайских документов и заявлений, касающихся глобальной роли КНР. Даже на региональном уровне Пекин, насколько это возможно, воздерживается от принятия на себя конкретных долгосрочных обязательств. Российские исследователи И.Ю.Зуенко и С.В.Зубань справедливо указывают, что китайская сторона не позиционирует инициативу строительства Экономического пояса Шелкового пути как «четкую, формализованную программу действий» (Зуенко, Зубань, 2017, с. 7). В китайском тезисе о вкладе ЭПШП в построение новой экономической системы, которая станет «воплощением мечты мирово-

го сообщества», коллектив авторов из Института Дальнего Востока РАН видят «ноту идеализма», хотя и признают конструктивную ценность концепции в целом (Петровский В.Е., 2016, с. 225). Об отсутствии четких критериев оценок успешности «Пояса и пути» и целевых ориентиров, связанных с этой инициативой, пишет российский китаевед А.Т. Габуев: «На вопросы хоть о каких-то КРІ китайские плановики разводят руками: мол, Шелковый путь охватывает слишком много стран и сопряжен со слишком большим количеством неподвластных Пекину факторов», – замечает этот исследователь⁶.

Со своей стороны добавим, что утвердившаяся в последнее время в официальном дискурсе китайская формулировка «более справедливый и рациональный мировой порядок» в определенном смысле также является размытой, поскольку морально-этические категории «справедливость» и «рациональность» допускают расширительные толкования. В современной китайской внешнеполитической концепции справедливость (*гунчжэн*) и рациональность (*хэли*) являются двумя важными параметрами миропорядка и процесса его реформирования. Хотя во внешнеполитическом дискурсе продолжает присутствовать тезис о «мирном пути развития Китая», ни мир (*хэпин*), ни стабильность (*вэньдин*) в эту формулу, определяющую запрос Китая на реформу глобального управления, включены не были. Можно предположить, что это произошло потому, что для данных двух категорий гораздо менее вероятны гибкие и расширительные толкования⁷.

6 Габуев А. Т. Шелковый путь в никуда. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689763-shelkovii-put> (Дата обращения: 19.09.2017)

7 Подробнее о современной китайской трактовке рациональности см.: (Денисов, Адамова, 2017).

Секьюритизация подъема

В целом во время первого пятилетнего срока Си Цзиньпина сохранялись базовые константы внешней политики, заложенные его предшественниками. Так, концепцию «Одного пояса – одного пути» можно рассматривать как дальнейшее развитие внешней открытости страны, а «сообщество судьбы» – как концептуальный парафраз идеи «мирного подъема» Китая. Это позволяет исследователям говорить о том, что внешнеполитическая стратегия Си Цзиньпина является «мирным подъемом 2.0» (Jian Zhang, 2015).

По мнению других ученых, большинство изменений, которые сейчас ассоциируются с «пятым поколением», на самом деле впервые были инициированы их предшественниками. Новизна, по их мнению, на самом деле является продолжением постепенной адаптации КНР к социально-экономическим изменениям на национальном и глобальном уровне (Noesselt, N., 2015).

На наш взгляд, главное, что Си Цзиньпин внес в дипломатическую теорию и практику, связано с оценками вызовов и рисков, которые несет подъем Китая. Несмотря на благостную риторику многих китайских экспертов и распространенные трактовки глобального возвышения Китая как бесконфликтного и контролируемого процесса, в руководстве страны, похоже, так не считают.

Представляется, что с 2012–2013 гг. происходила последовательная секьюритизация⁸ вопроса о развитии внешних связей Китая и его глобальной роли. Свидетельством этого стало включение вопросов внешней политики в сферу компетенции Совета государ-

ственной безопасности (СГБ), создание которого стало одним из важнейших событий «пятилетки» Си Цзиньпина. Решение об образовании Совета государственной безопасности было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.). Первое заседание Совета, согласно официальной информации, состоялось 15 апреля 2014 г. под председательством Си Цзиньпина.

СГБ, информация о работе которого крайне редко появляется в китайской печати, является высшим, системообразующим институтом «силового блока». В поле зрения СГБ находится весь комплекс проблем, связанных с вызовами в сфере традиционной и нетрадиционной безопасности. Таким образом, СГБ координирует деятельность таких ведомств, как министерство иностранных дел, обороны, юстиции, общественной и государственной безопасности, а также подразделений Народной вооруженной полиции. Вопросы экономической безопасности рассматриваются и решаются во взаимодействии с ведомствами экономического блока.

Основной акцент делается на поддержании внутренней стабильности, борьбе с терроризмом и экстремизмом, минимизации рисков при проведении социально-экономических преобразований, в том числе минимизации рисков при проведении внешней политики. Руководство централизует принятие решений по любым важным внешнеполитическим вопросам, что выражается в принципе «сверху вниз» (*top-level design*, *динцэн шэцзи*), при этом тщательно оценивается, каким образом те или иные события в отношениях с другими странами по-

8 Согласно трактовке Копенгагенской школы, под секьюритизацией понимается процесс, в котором актор возводит какую-либо проблему, не обязательно представляющую непосредственную угрозу, в ранг вопроса безопасности. См.: (Wæver, O., 2011).

вливают на внутривнутриполитическую стабильность.

В авторитетных публикациях по вопросам внешней политики (Ян Цземьянь, 2014, с. 7–8) упоминается, что важной новацией в китайской стратегии и дипломатической практике при Си Цзиньпине стало внедрение особого подхода к принятию решений, которое в документах обозначается специальным термином (*bottom-line thinking*; *дисянь сывэй*) (Денисов, 2015с, с. 50–51). Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ» дает следующее определение: Дисянь сывэй (*bottom-line thinking*) – вид мыслительной техники, который заключается в психологической подготовке к возможному возникновению наихудшей ситуации и выработке соответствующих мер реагирования⁹. Методика *дисянь сывэй*, как пояснял сам Си Цзиньпин, предполагает тщательный анализ всех вариантов развития событий и готовность ко всяким неожиданностям. Обозначение возможных красных линий практически в любой ситуации, связанной с действиями Китая за рубежом, также говорит о секьюритизации внешнеполитического процесса.

Растущие масштабы китайской дипломатии в сочетании с мировой турбулентностью заставляют китайское высшее руководство оценивать риски совсем иначе, чем это делалось еще 5–10 лет назад. Формулировки о длительных периодах «стратегических возможностей», которые упоминались в партийных документах с начала 2000-х гг., в условиях нынешней изменчивости глобальной ситуации просто нереальны. Поэтому термин «безопасность» занимает ключевое место во всех внешнеполитических дискуссиях, хотя при

трансляции китайских намерений во вне любые акценты на вопросах безопасности сглаживаются, либо эти проблемы вообще не упоминаются. Реализация действующих и перспективных проектов в рамках инициативы «Пояса и пути» прямо связана с проблемами безопасности, в том числе особое внимание руководства вызывают происшествия с китайскими гражданами, которые заняты в зарубежных проектах. В обществе велики ожидания, связанные с мощью китайского государства, и любой случай, когда физическую безопасность китайских сотрудников за рубежом не удалось обеспечить, рассматривается как угроза внутривнутриполитической стабильности.

Другой гранью секьюритизации внешнеполитического процесса становится набирающая силу экспертная дискуссия о возможности «перенапряжения» Китая в сфере внешней открытости. Травма краха КПСС и СССР продолжает определять политические решения китайского руководства, наиболее яркие примеры из сферы внутренней политики – антикоррупционная кампания, централизация власти, укрепление дисциплины и меры по обеспечению лояльности чиновников и военных центральному руководству.

Внешнеполитические вопросы также все теснее увязываются с вопросами безопасности и устойчивости государства, и если раньше речь шла только о развитии (то есть главная задача дипломатии состояла в обеспечении благоприятной внешней среды для экономического роста), то теперь непременно упоминается второй фактор – безопасность, которая понимается комплексно, и не только как совокупность

9 См.: URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BA%95%E7%BA%BF%E6%80%9D%E7%BB%B4> (Accessed: 19.09.2017)

внешних угроз. Ошибочные действия самого Китая, неправильный стратегический расчет, касающийся экономической экспансии или проекции военной силы, или действия сразу на нескольких конфликтных «фронтах», например участие одновременно в нескольких территориальных спорах без соответствующей координации и ресурсного обеспечения, начинают восприниматься как серьезная угроза режиму, особенно в условиях падения темпов роста ВВП.

Профессор Ши Иньхун, который входит в группу советников при Госсовете КНР, впервые обративший внимание на этот комплекс проблем, предложил термин «стратегический овердрафт» (*чжаньлюэ тоучжи*)¹⁰. По определению другого китайского эксперта, под стратегическим овердрафтом следует понимать ситуацию, когда «расход стратегических ресурсов государства превышает уровень, необходимый для достижения текущих стратегических целей», и когда делается стратегический или тактический выбор, для реализации которого нет возможностей или предпринимаемые максимальные усилия не приводят к заданному результату (Гао Чэн, 2017). Судя по оживленной дискуссии на эту тему в китайском экспертном сообществе (Сюй Сюэцзюнь, 2017; Лю Сюэфэн, 2017; Лю Фэн, 2017), идеи секьюритизации внешней политики привлекают все большее внимание, хотя консенсус по вопросу, как не допустить «стратегический овердрафт» и в то же время не утратить уже имеющиеся позиции в мире, пока еще предстоит выработать. Часть экспертов считают, что риски неизбежны, а как раз губительным для страны будет отказ от глобальных амбиций.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на возросшую экономическую мощь, технологический прогресс и активную военную модернизацию, Китай в первые пять лет после прихода к власти «пятого поколения» руководителей продолжал оставаться «частичной державой» (по терминологии Д. Шамбо). Однако, по нашему мнению, это не значит, что Китай непременно задержится на этом уровне и отход от скромной политики Дэн Сяопина с определенного момента должен затормозиться. Дипломатическая практика говорит об обратном: Китай постепенно, но уверенно расстается со многими базовыми концептами вроде недоверия к многосторонним институтам, особого отношения к принципу вмешательства во внутренние дела, уклонения от глобальной ответственности.

Диалог с миром, усиление «дискурсивной силы» становятся важными направлениями китайской дипломатии. Пока эффект китайской «мягкой силы» невысок. Как признают сами китайцы, иногда выдвигаемые концепции сформулированы слишком неконкретно, с использованием ярких для носителя китайского языка и культуры, но непонятных для остального мира формул, китайская дипломатическая мысль зачастую оказывается ориентированной вовнутрь, к тому же порой действует в жестких идеологических рамках. Кадровое обновление идет, и новое поколение китайских дипломатов и аналитиков наверняка сможет более адекватно формулировать и эффективно доносить «китайский план» до мировой аудитории, а главное – сможет исполь-

10 时殷弘.(2016). 时殷弘教授: 中国“战略透支”风险日增 URL:<http://www.zaobao.com.sg/znews/greater-china/story20160921-668655> (Accessed: 19.09.2017)

зовать более широкий инструментарий для продвижения китайских интересов и их согласования с интересами зарубежных партнеров.

Как отмечает китайский политолог Дэн Юйвэнь, в сфере внешней политики страны назрели системные изменения как дипломатического мышления, так и дипломатической практики. Пока, по словам эксперта, китайская дипломатия в ее нынешнем виде приводит лишь к тому, что в мире Китай «боятся, но не уважают» (*вэй эр бу цзин*)¹¹ (邓聿文, 2017).

Новая большая стратегия Китая находится в стадии формирования, Китай осмысливает свою роль и в сегодняшнем мире, и особенно в грядущем миропорядке, который еще неизвестно по каким правилам будет устроен. Именно из-за существующей неопределенности Китай будет оставаться в центре глобальных дискуссий – иногда как наблюдатель, но все чаще как активный участник. Готовых правил, по которым будет жить мир, у Пекина нет. Тем не менее «опоздать» к появлению нового мироустройства Китай не может, это неизбежно будет возрождать в китайском обществе воспоминания о периоде «столетнего унижения». Вполне вероятно, что среди приоритетов китайской внешней политики вопросы участия в реформировании глобального управления уже во время второго пятилетнего срока Си Цзиньпина сравняются по важности с проблемой глобального транзита власти, то есть с развитием отношений с Соединенными Штатами.

Учитывая проблему секьюритизации, Китай будет продолжать политику неприсоединения к блокам, считая, что альянсы могут лишь ограничить сво-

боду маневра и добавить к существующим еще и новые вызовы. При этом «стратегический овердрафт» в случае отказа Пекина от политики невступления в альянсы почти наверняка будет нести еще большие риски. Поэтому предпочтение в ближайшей перспективе будет отдаваться созданию широкой сети партнерств, особенно в регионах, непосредственно соседствующих с Китаем. Принцип «партнерство, но не союз» (*цзе бань бу цзе мэн*) будет по-прежнему носить универсальный характер при определении уровня развития отношений Китая с зарубежными государствами.

Список литературы

Гао Чэн. (2017). Чжунго цзювэй цзюэци даго дэ чжаньлюэ тоучжи вэньти таньси [Анализ проблемы «стратегического овердрафта» Китая как растущей державы]. *Чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю* [Исследования стратегии и процесса принятия решений], 8(3). 49–55. (на китайском языке)

Денисов И.Е. (2015b). Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии. *Индекс безопасности*, 21 (3). 51–60.

Денисов И.Е. (2015a). Об основах сициньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР. *Тетради по консерватизму*, (5). 112–118.

Денисов И.Е. (2015c). Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине. *Международная жизнь*, (5). 40–54.

Денисов И.Е., Адамова Д.Л. (2017). Формула внешней политики Си Цзинь-

11 邓聿文. (2017). 对中国外交的九个反思 URL: <http://www.ftchinese.com/story/001073219?full=y> (Accessed: 19.09.2017)

пина: основные особенности и проблемы интерпретации. Сафронова Е.И. (ред.). *Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII: ежегодное издание*. М.: ИДВ РАН. 76–90.

Дэн Сяопин. (1993). Гайгэ кайфан чжэнцэ вэньдин, Чжунго да ю сиван [Если политика реформ и открытости будет стабильной, у Китая есть большая надежда (4 сентября 1989 г.)]. *Дэн Сяопин вэньсюань* [Избранные произведения Дэн Сяопина]. Т. 3. Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 315–321. (на китайском языке)

Зуенко И.Ю., Зубань С.В. (2017). Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 2 (79).

Лю Сюэфэн. (2017). Чжаньлюэ сюаньцэ юй тоучжи цзюэци го чжаньлюэ тоучжи [Стратегический выбор и стратегический овердрафт растущей державы]. *Чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю* [Исследования стратегии и процесса принятия решений], (3). 31–41 (на китайском языке)

Лю Фэн. (2017). Чжаньлюэ тоучжи: и сян гайнянь фэньси [Стратегический овердрафт: анализ концепции]. *Чжаньлюэ цзюэцэ яньцзю* [Исследования стратегии и процесса принятия решений], 8 (3). 25–30 (на китайском языке)

Петровский В.Е. (ред.). (2016). *Новый Шелковый путь и его значение для России*. М.: ДеЛи плюс. 234.

Си Цзиньпин. (2014). Великое возрождение китайской нации – величайшая мечта китайской нации с начала нового времени. *О государственном управлении*. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. 47–50.

Сюй Сюэцзюнь. (2017). Чжаньлюэ гоцзай, чжаньлюэ тоучжи юй даго шуайло [Стратегическая перегрузка,

стратегический овердрафт и упадок великих держав]. *Шицзе чжиши* [Всемирное обозрение], (1). 13 (на китайском языке)

Ян Цземань. (2014). Чжань цзай синь цидянь дэ Чжунго вайцзю чжаньлюэ тяочжэн [Стратегическая корректировка китайской дипломатии в новой стартовой точке]. *Гоцзи чжаньван* [Международная перспектива], (1). 1–13 (на китайском языке).

Grube D. (2014). The gilded cage: Rhetorical path dependency in Australian politics. Uhr J., Walter R. (eds.). *Studies in Australian political rhetoric*. Canberra: Australian National University Press. 99–118.

Jian Zhang. (2015). China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? *Global Change, Peace & Security*, 27 (1). 5–19. DOI: 10.1080/14781158.2015.993958

Johnston A.I. (2003). Socialization in international institutions. Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.). *International relations theory and the Asia-Pacific*. N.Y.: Columbia University Press. 107–152.

Li W., Dunford M. (2016). Inclusive globalization: unpacking China's Belt and Road Initiative. *Area Development and Policy*, 1 (3). 323–340. DOI: 10.1080/23792949.2016.1232598

Noesselt N. (2015). China's Foreign Strategy After the 18th Party Congress: Business as Usual? *Journal of Chinese Political Science*, 20 (1). 17–33. DOI: 10.1007/s11366-014-9325-z

Shambaugh D.L. (2013). *China goes global: The partial power*. Oxford: Oxford University Press. 432.

Wæver O. (2011). Securitization. Hughes Chr. W., Lai Yew Meng. (eds.). *Security Studies: A Reader*. London; N.Y.: Routledge. 93–98.

References

- Deng Xiaoping. (1993). Gaige kai-fang zhengce wending, Zhongguo da you xiwang [With Stable Policy of Reform and Opening, China Has Great Hope (September 4, 1989)]. *Select-ed Works of Deng Xiaoping. Volume III*. Beijing: People's Publishing House. 315–321. (in Chinese)
- Denisov I.E., Adamov D.L. (2017). Xi Jinping's Foreign Policy Formula: the main features and problems of interpretation. Safronova E.I. (ed.). *China in World and Regional Politics. History and Modernity. Issue XXII: annual publication*. Moskva: IDV RAN. 76–90.
- Denisov I.E. (2015b). Silk Security: the new Chinese concept of development and the rules of the game in Eurasia. *Indeks bezopasnosti*, 21 (3). 51–60.
- Denisov I.E. (2015a). Foundations of Xijinpingism. Ideological Portrait of China's Fifth Generation of Leaders. *Tetrad po konservatizmu*, (5). 112–118.
- Denisov I.E. (2015c). Evolution of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (5). 40–54.
- Gao Cheng (2017). Zhongguo zuo-wei jueqi daguo de "zhanlue touzhi" wen-ti tanxi. [An analysis of the strategic overdraft of China as a rising power]. *Zhan-lue juece yanjiu* [Studies in Strategy and Decision-Making], 8 (3). 49–55. (in Chinese)
- Grube D. (2014). The gilded cage: Rhetorical path dependency in Australian politics. Uhr J., Walter R. (eds.). *Studies in Australian political rhetoric*. Canberra: Australian National University Press. 99–118.
- Jian Zhang. (2015). China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? *Global Change, Peace & Security*, 27 (1). 5–19. DOI: 10.1080/14781158.2015.993958.
- Johnston A.I. (2003). Socialization in international institutions. Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.). *International relations theory and the Asia-Pacific*. N.Y.: Columbia University Press. 107–152.
- Li W., Dunford M. (2016). Inclusive globalization: unpacking China's Belt and Road Initiative. *Area Development and Policy*, 1 (3). 323–340. DOI: 10.1080/23792949.2016.1232598.
- Liu Feng. (2017). Zhanlue touzhi: yi xiang gainian fenxi [Strategic overdraft: analysis of the concept]. *Zhanlue juece yanjiu* [Studies in Strategy and Decision-Making], 8 (3). 25–30. (in Chinese)
- Liu Xuefeng. (2017). Zhanlue xuan-ze yu jueqi guo zhan lue touzhi. [Strategic choice and strategic overdraft of a rising power]. *Zhanlue juece yanjiu* [Studies in Strategy and Decision-Making], 8 (3). 31–41. (in Chinese)
- Noesselt N. (2015). China's Foreign Strategy After the 18th Party Congress: Business as Usual? *Journal of Chinese Political Science*, 20 (1). 17–33. DOI: 10.1007/s11366-014-9325-z.
- Petrovskii V.E. (ed.). (2016). *New Silk Road and its Significance for Russia*. Moskva: DeLi plyus. 234.
- Shambaugh D.L. (2013). *China goes global: The partial power*. Oxford: Oxford University Press. 432.
- Wæver O. (2011). Securitization. Hughes Chr. W., Lai Yew Meng. (eds.). *Security Studies: A Reader*. London; N.Y.: Routledge. 93–98.
- Xi Jinping. (2014). The Great Revival of the Chinese Nation is the Greatest Dream of the Chinese Nation since the Beginning of the Modern Times. *O gosudarstvennom upravlenii*. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. 47–50.
- Xu Xiujun. (2017). Zhanlue guozai, zhanlue touzhi yu daguo shuai luo [Strategic overload, strategic overdraft and the decline of great powers]. *Shijie zhishi* [World Affairs], (1). 13. (in Chinese)
- Yang Jiemian. (2014). Zhan zai xin qid-ian de Zhongguo waijiao zhanlue tiaozheng [China's diplomatic strategic ad-

justment at a new starting point]. *Guoji zhanwang* [International Perspective], (1). 1–13. (in Chinese)

Zuenko I.Yu., Zuban' S.V. (2017). China and Eurasian Economic Union: dy-

namics of cross-border commodities flow and the future of Eurasian integration. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2 (79).

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Денисов, старший научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
iedenisov@mail.ru

About the Author

Igor E. Denisov, Senior Researcher, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
iedenisov@mail.ru